

Хачатурян Борис Григорьевич

НИЗОВАЯ ЮСТИЦИЯ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ (К ИСТОРИИ ВОПРОСА)

Статья посвящена актуальнейшей проблеме российского государственного строительства - историческому осмыслению роли и места низовой юстиции в становлении местного самоуправления в России. Автор раскрывает понятие низовой юстиции, её состав. Особое внимание в статье обращается региональному аспекту - формированию данного института в Якутии и на Дальнем Востоке. На основе анализа истории формирования низовой юстиции и её взаимодействия с органами местного самоуправления делаются новые выводы и предложения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/5-2/55.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19): в 2-х ч. Ч. II. С. 211-216. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Баранов А. Н. Воспоминания о мултанском деле // Вестник Европы. 1913. № 9.
2. Высочайше утвержденные Правила о метрической записи браков, рождения и смерти раскольников от 19 апреля 1874 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. XLIX. Отделение I. № 53391.
3. Гессен Ю. И. Из истории ритуальных убийств: велижская драма. СПб., 1904.
4. Дамасское ритуальное убийство: протоколы судопроизводства по делу об исчезновении капуцина отца Фомы и его слуги Ибрагима Амара в Дамаске в 1840 г. Харьков, 1913.
5. Дело Давида Блондеса // Судебные драмы. 1901. № 5.
6. Дорская А. А. Гражданский брак в Российской империи: историко-правовой аспект [Электронный ресурс]. URL: <http://www.advocate-realty.ru/press/unitpress/?id=394405> (дата обращения: 29.01.2012).
7. Замысловский Г. Г. Убийство Андриюши Юшинского: речь в Киевском окружном суде 24 октября 1913. СПб., 1914.
8. Кутаисский процесс: дело о похищении и умерщвлении евреями крестьянской девочки Сары Модебадзе: стенографический отчет. СПб., 1879.
9. Левинсон П. «Саратовское дело» об убийстве двух мальчиков с религиозной целью // Журнал гражданского и уголовного права. 1880. № 2.
10. Лютостанский И. Талмуд и евреи. М., 2009. Т. 1.
11. Лютостанский И. Талмуд и евреи. М., 2009. Т. 2.
12. Люцинское дело по обвинению Лоцовых, Гуревича и Маих в убийстве Марии Дрич: стенографический отчет. СПб., 1885.
13. Тагер А. С. Царская Россия и дело Бейлиса. М., 1996.
14. Тисса-Эсларское дело // Русский еврей. 1882. № 26.
15. Тривус М. Ритуальные процессы дореформенного русского суда // Еврейская старина. 1912. № 5.
16. Хасин В. В. Интеграция «ритуальных» мифологем в общественную ментальность и историческую память российского социума в XIX-XX веках // История и историческая память. Саратов, 2010. Вып. 1.

**“RITUAL” MOTIVATION FORMATION METHODS IN RUSSIAN LEGAL PROCEEDINGS
AT THE TURN OF THE XIXTH-XXTH CENTURIES: “LYUTSINSKII CASE”**

Vladimir Viktorovich Khasin, Ph. D. in History
Department of Native History in Modern Times
Saratov State University
hasin1@rambler.ru

The author studies the social, legal and confessional aspects of “ritual” mythologemas integration into the Russian legal proceedings system, and discusses “Lyutsinskii case” - a unique phenomenon among such kind of famous proceedings, where the lack of “blood slander” narrative was compensated with religious intolerance myths and family-marital relations features.

Key words and phrases: ritual proceeding; legal proceedings; blood slander; confession; family-marital relations.

УДК 347.9

Статья посвящена актуальнейшей проблеме российского государственного строительства – историческому осмыслению роли и места низовой юстиции в становлении местного самоуправления в России. Автор раскрывает понятие низовой юстиции, её состав. Особое внимание в статье обращается региональному аспекту – формированию данного института в Якутии и на Дальнем Востоке. На основе анализа истории формирования низовой юстиции и её взаимодействия с органами местного самоуправления делаются новые выводы и предложения.

Ключевые слова и фразы: низовая юстиция; местное самоуправление; органы местного самоуправления; национальное самоуправление; корпоративное самоуправление; российский восток.

Борис Григорьевич Хачатурян, к. ист. н., доцент
Кафедра государственно-правовых дисциплин
Российская академия правосудия (Дальневосточный филиал)
hach5@rambler.ru

НИЗОВАЯ ЮСТИЦИЯ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ (К ИСТОРИИ ВОПРОСА)®

Несмотря на проведенные изменения в российской судебной системе в 90-е годы XX-го столетия, в России и по сегодняшний день (второе десятилетие XXI в.) не утихают разговоры о необходимости дальнейших её изменений, приближении к конкретному человеку.

Одной из составляющих судебной системы является институт «низовой юстиции», деятельность которой оказывает огромное влияние на жизнь как каждого члена муниципального сообщества, так и на морально-психологическую атмосферу в муниципальном образовании в целом. (Здесь и далее термин «низовой(ая)» употребляется как «непосредственно обслуживающий массы на местах»). Вводя термин «низовая юстиция», автор вкладывает в это понятие его характеристику, данную С. В. Лонской, которая, говоря о низкой юстиции, прежде всего, подразумевает её систему, которую составляют как административно-судебный государственный орган (и здесь это система мировых судов), так и самостоятельные судебные инстанции в лице вождей племени, рода и т.д., общественных (товарищеских) судов и т.п. [12].

Говоря об историческом месте и роли низкой юстиции в российском обществе, необходимо отметить, что почти все аналитики данного института в пореформенной России рассматривали его в теснейшей связи с реформой местного самоуправления. Так, историко-политическая трактовка отношений суда и администрации и государственных гарантий земства прослеживается в трудах А. Романович-Славянского [19], М. Н. Яблочкова [26], С. А. Корфа [9; 10], А. Д. Градовского [6], В. П. Безобразова [1], Н. М. Могилянского [13]. При этом русские правоведы относили к местному самоуправлению (далее – МСУ) не только земское и городское управление, но и корпоративное самоуправление, в том числе казачье самоуправление, общественное управление национальных окраин, которые также имели свою корпоративную и национальную юстицию.

Дворяне формировали уездный суд, в обязанность которого входили и некоторые несудебные дела: он проводил ревизию (свидетельство) уездного казначейства; его крепостной стол (нотариат) оформлял акты и документы в масштабе уезда; выдавал ярлыки на право провоза вина; здесь хранились межевые книги и планы.

Высшим органом крестьянской общины было собрание домохозяев (сход, мир), которое выполняло и некоторые судебные функции: вынесение приговоров об удалении из общества вредных и порочных челнов его, разбирательство незначительных ссор и исков, надзор за сельскими и деревенскими выборами [4, д. 86].

В крестьянских волостях в качестве судебной власти учреждался волостной крестьянский суд, который разбирает «споры и тяжбы» крестьян при наличии иска не свыше 100 руб. (с 1889 г. – 300 руб.) и мог приговаривать к общественным работам сроком на 6 дней, аресту – до 7 дней, денежному штрафу – до 3 руб., а также телесному наказанию розгами – до 20 ударов.

Самоуправленческие органы казачества (станичные сходы и правления) обладали некоторыми карательными функциями, рассматривали материалы дознания на односельчан, допустивших проступки, принимали решения о наложении общественного порицания или направления дела в суд. В структуру казачьего самоуправления входили также станичные суды, которые рассматривали внутривольские споры и административные нарушения. Их приговоры ограничивались выговорами, замечаниями, штрафами, краткосрочными арестами, исключением из состава станичного общества.

Характеристику национальной системы местного управления и местной юстиции мы можем видеть в работах Н. М. Коркунова [7], П. Ф. Унтербергера [23; 24] и других.

Как показывает анализ историографии строительства института местного самоуправления [25] на востоке России (*здесь и далее под русским востоком, востоком России подразумеваются территории в границах современного Дальневосточного федерального округа (ДФО) – Б. Х.*) и его взаимоотношений с низкой юстицией, эти системы здесь имели свои особенности. Первая такая особенность заключалась в том, что царским правительством земство здесь не вводилось, было введено только городское общественное управление. Это, в свою очередь, наложило свой отпечаток и на местную юстицию – судебная реформа на эти территории, так же как и земство, не распространялась до конца XIX столетия. В результате местная юстиция имела очень разношерстный состав. Кроме того, в отличие от европейской России, где мировые судьи избирались населением, здесь, учитывая недостаток лиц, имеющих юридическое образование, мировые судьи часто назначались губернским правлением. В связи с тем, что вся территория востока России охватывала дальние участки, добраться до которых было нелегко, а вместе с тем в таких местах возникали дела, требующие рассмотрения, обязанности мировых судей зачастую возлагались на начальников местной полиции. Анализ также показывает, что одним из направлений деятельности низкой юстиции была защита прав населения на МСУ и защита прав органов МСУ на самостоятельное решение местных вопросов.

Вторая особенность низкой юстиции на востоке России заключается в том, что на восточных территориях Российской империи проживало большее количество, как их тогда называли, туземных (аборигенных) народов. Жизнь показала, что для инородческого населения Сибири и Дальнего Востока система низкой юстиции, созданная царским правительством в лице мировых судов, оказалась неприемлемой, как отмечают составители юбилейного сборника, посвященного 85-летию Якутского городского суда, в основном по следующим причинам: «во-первых, обязательное употребление и ведение процесса на русском языке; во-вторых, чрезмерное сужение сферы применения местного обычного права; в-третьих, большая сложность и недоступность государственного кодекса – норм процессуальных и материальных» [14, с. 14]. Поэтому по делам аборигенов был сохранен местный суд, предусмотренный «Уставом об управлении инородцев» и «Учреждением об управлении сибирских губерний» 1822 г. Это означало, что им предоставлялась возможность при разрешении конкретных дел руководствоваться обычным правом, а при отсутствии обычая – применить общерусские законы. Но законодатель установил, что обычное право применяется только за

преступление, совершенное инородцами в пределах обитаемых ими земель. Вне границ этих земель и за убийства, насилие и кормчества инородцы подлежали российскому суду. В связи с этим устройство юстиции у инородцев представляло очень пёструю и разнообразную картину.

Кроме того, у якутов [14], да и у ряда дальневосточных аборигенов, к началу XX столетия твердо установившихся юридических обычаев уже было чрезвычайно мало: старые обычаи под напором быстро текущей жизни разрушались, а новые не могли создаваться, так как смена в хозяйственном и бытовом укладе жизни приняла слишком быстрый темп. Общественная жизнь здесь не могла, конечно, застыть в своих первобытных формах под влиянием разных культур и народностей – старый уклад жизни пришел в упадок и мало соответствовал своему содержанию. Всё это требовало реформ, в том числе и инородческой юстиции.

К 1916 г. в низовой юстиции – сельской и национальной, как и в системе МСУ, происходят изменения. Так, например, инструкцией дальневосточного генерал-губернатора от 25.05.1914 об устройстве сельских обществ к сельскому обществу в Камчатской области было причислено всё население, и оно стало состоять из всех инородцев, крестьян, мещан и разночинцев, проживающих в районе общества [20, с. 50]. Для оседлого инородческого населения области был введен сельский суд, по типу сельского суда, действующего в Закавказье. Сельский суд собирался по мере надобности, по возможности и удобству в дни съезда инородцев. В ведение суда входили гражданские дела, ценою не свыше трехсот рублей, разрешаемые на основании местных обычаев, и маловажные проступки, указанные в уставе о благоустройстве казенных селений. Суду предоставлялось право приговаривать виновных в совершении проступков к денежному взысканию до трех рублей или к аресту до семи дней.

В отношении оседлого инородческого населения Приморской и Амурской областей, включенного в состав крестьянских волостей, действовал волостной суд по закону от 27 мая 1902 г. [Там же, с. 59], основу которого составляли нормы положений о волостном суде от 19 февраля 1861 г., 12 июля 1889 г. и 27 мая 1902 г. Так, в правилах о волостном суде от 27 мая 1902 г. был сохранен принятый законом от 19 февраля 1861 г. принцип судебной автономии волостных обществ, волостные судьи избирались ежегодно волостным сходом и никем не утверждались. В соответствии с тем же законом волостной суд действовал самостоятельно от волостной администрации – волостного старшины и сельского старосты.

По всем гражданским делам допускались обращения в волостной суд без ограничения размеров иска, в качестве третейского, без права последующего обжалования. Так, в чукотских и эскимосских родах недоумения и споры в их среде обычно разрешались старшим родственником спорящих сторон или старшим по годам соседом, т.е. путем третейского суда.

Архивные документы позволяют сказать, что низовая юстиция разгружала общие судебные инстанции и органы местного самоуправления от разрешения малозначительных, зачастую бытовых проблем.

Вместе с тем жизнь требовала создания низовой юстиции с общими правилами судопроизводства для всей страны.

Следующая особенность низовой юстиции, и прежде всего национальной, связывается с тем фактом, что в XIX в. на Камчатку и Охотское побережье России проникают американцы со своей системой правосудия. Эскимосы, а также береговые чукчи по делам с американскими подданными обращались за судебной защитой в американский суд, и последний, вследствие отсутствия в нем излишнего формализма и ввиду скорого разбора дел, пользовался у них широкой популярностью.

В период массового обитания в уссурийской тайге китайцев и действия у них национального суда орочи обращались к китайскому суду, который привлекал их быстротой разбора дел и немедленным исполнением своих приговоров.

Все это, конечно, не только не содействовало распространению в инородческом населении чувства законности и уважения к российскому праву, системе управления в целом, а, как об этом пишет Солярский, напротив, глубоко расшатывало прочность и ясность у инородцев понятия о праве. Действующие же рядом американские и китайские суды систематически разрушали господство над инородцами и так значительно более низкого в культурном отношении национального права, какое им, в отличие от других сословий империи, было предоставлено по российским законам [8, с. 64].

Таким образом, введения единой российской низовой юстиции требовало и появления на дальневосточных территориях колонистов из сопредельных с Россией стран (США и Китая), имевших свою местную судебную систему, куда зачастую обращались российские инородцы.

Но создать такую единую систему низовой юстиции царское правительство не успело. Грянул 1917 год. Большевики в корне изменили всю систему управления, в том числе и судебную. Была прекращена деятельность сословных и корпоративных судов.

Характеризуя местную юстицию, созданную большевиками, необходимо отметить, что, несмотря на то, что еще 22 ноября 1917 г. (05.12.1917) Совнаркомом РСФСР был принят Декрет № 1 «О суде», на Дальнем Востоке старые судебные органы продолжали функционировать еще некоторое время. И хотя на Дальнем Востоке распоряжением Дальневосточного комиссариата юстиции от 25.02.1918 они должны были быть упразднены, в связи с началом Гражданской войны и возникновением очагов контрреволюции в Сибири на Дальнем Востоке эти документы в полной мере не были претворены в жизнь.

Однако отдельные областные Советы, выполняя решение Дальсовнаркома, успели реформировать судебные органы, которые, исходя из местных условий, имели свои черты. Так, пятый съезд трудящихся Амурской области, начавший работу 1 апреля 1918 г. в Благовещенске, рассмотрев вопрос о суде, своим

решением упразднил все старые судебные учреждения (мировые судьи, съезды мировых судей, окружные суды и т.д.). Взамен их было намечено создать новый, народный суд, о системе организации и порядке работы которого было принято специальное положение. Устанавливалась следующая система судебных органов: третейский суд при сельском совете, призванный примирять стороны; волостной суд (судья, два заседателя и секретарь), избираемый волостным съездом Советов; его постановления и приговоры должны были приводиться в исполнение волостным исполкомом при содействии волостной Красной гвардии. Высшим судебным органом был провозглашён областной военно-революционный трибунал, образованием которого съезд поручил областному исполкому [22, с. 111].

Как известно, первый период Советской власти на Дальнем Востоке был недолгим, и здесь начинается «эпоха» формирования региональных правительств, при этом каждое из них создавало свои судебную и местную самоуправляемую систему.

Что касается Якутии, то работа по организации аппаратов советской юстиции здесь началась только с июля 1920 г., когда при Якутском райревкоме был учреждён губернский отдел юстиции – первый руководящий орган судебной системы Якутии, который приступил к организации нарсудов, революционного трибунала и карательного подотдела [14, с. 16].

Но национальная юстиция на востоке России оставалась без изменений еще долгое время. Так, в 2003 г. председатель Хабаровского краевого суда, к. юрид. н. В. М. Вдовенков в книге «Становление и развитие судебной власти на территории Хабаровского края» приводит любопытный факт о том, что в советское время впервые официально о существовании туземных судов на Дальнем Востоке было заявлено в сводном отчёте о деятельности губернских и областных судов РСФСР за третью четверть 1923 года. В одном из разделов отчёта говорилось: «Устанавливается, что инородческие суды, помимо шариатских судов на Кавказе, существуют еще и на окраинах Сибири. Так, в Хабаровском уезде Приморской губернии обнаружен свой суд среди туземцев и ороченов» [2, с. 18].

Дальний Восток имеет ещё одну особенность, заключающуюся в том, что здесь с 1920 по 1922 гг. была создана Дальневосточная республика (ДВР) с собственной системой низовой юстиции, кроме того, здесь сохранялась и национальная юстиция.

После самороспуска ДВР и вхождения её территории в состав РСФСР конструкция судебных органов бывшей республики (там, где она была внедрена) сохранялась до начала 1923 г. и менялась постепенно, плавно мигрируя в сторону создания единой общегосударственной судебной системы.

Но, как показывают документы, большевики не смогли обойтись без низовой юстиции. Анализируя ситуацию, складывающуюся с трудовой дисциплиной и революционной законностью, В. И. Ленин, будучи юристом, приходит к пониманию того, что отсутствие низовой юстиции расшатывает Советскую власть [11, с. 166]. Большевики создают свой институт низовой юстиции в лице первоначально дисциплинарных судов, в последующем названных товарищескими судами. 14 ноября 1919 г. В. И. Ленин подписывает первое положение «О дисциплинарных судах» [21, с. 21-25].

В 1928 году, с принятием постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О товарищеских судах на фабричных заводах, предприятиях, в государственных и общественных учреждениях» [15, ст. 707], началось создание товарищеских судов на предприятиях. Ведению этих судов подлежали дела о нарушениях трудовой дисциплины, оскорблениях, административных нарушениях, распитии спиртных напитков в общественных местах и т.п. Они могли рассматривать дела об имущественных спорах между гражданами на сумму до 50 рублей при согласии участников спора на рассмотрение дела в товарищеском суде. Главным направлением работы товарищеских судов было предупреждение правонарушений и проступков, наносящих вред обществу, воспитание методом убеждения и общественного воздействия.

В последующем товарищеские суды создавались по решению общего собрания рабочих и служащих, в том числе и военнослужащих, правлениями колхозов (после принятия 17 февраля 1935 г. Примерного устава сельскохозяйственной артели колхозные товарищеские суды были ликвидированы) [18, ст. 82], а также сельсоветами по месту жительства населения [17, ст. 954].

Что касается Сибири и Дальнего Востока, то здесь, кроме того, была сохранена, хотя в несколько изменённом виде, национальная низовая юстиция.

Так, в 1923 году отдел управления Дальревкома разработал «Временное положение об управлении туземных племен, проживающих на территории Дальневосточной области» [3, с. 175-180]. Положением устанавливалось, что для выполнения решений общего родового собрания, вышестоящих органов власти и управления делами рода (сбор местных налогов, учет членов своего рода, в том числе надзор за порядком и спокойствием в пределах кочевий своего рода и т.д.) собрание из своего состава сроком на один год избирало «родовой исполнительный комитет». Родовой исполком являлся судом первой инстанции по обычаям своего племени (в компетенцию входили брачные и семейные дела, а также споры имущественно-правового характера, иски и жалобы других родовых объединений к членам данного родового объединения). Родовому суду были неподсудны дела по преступлениям политического характера, убийствам, грабежам, разбоям, насилию, делания фальшивой монеты, укрывательства преступников, спекуляции, хищения казенного имущества [5, д. 6, л. 34].

Районный исполком являлся также и судом второй инстанции, приговоры и решения которого были окончательными и могли быть обжалованы в порядке надзора в народный суд. Родовой (туземный) и районные

родовые суды рассматривали дела публично и на языке той или иной народности. Производство судебных дел освобождалось от уплаты пошлины и различных сборов.

В октябре 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР было выработано «Временное положение об управлении туземных народов и племён северных окраин РСФСР», положенное в основу административно-судебного устройства территории Крайнего Севера и Дальнего Востока. Оно вводилось «для защиты прав и интересов коренного населения, поднятия хозяйства и культурных условий жизни» (Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. 1926. № 73. Ст. 575). Органами местного управления являлись родовые собрания и родовые Советы или любое другое туземное объединение (ватага, наслег, улус), охватывающее определенную территорию, районные туземные съезды и районные туземные исполнительные комитеты. Родовые Советы постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 03.10.1927 получили и судебные функции.

И только к середине 30-х годов XX столетия в СССР и союзных республиках создаётся единая судебная система, официальное закрепление которой произошло в Конституции СССР 1937 г. и которая просуществовала до конца 1980-х гг.

Реформирование советской судебной системы началось в 1991 г. с принятия Верховным Советом РСФСР концепции судебной реформы в России. Главная задача реформы – утверждение судебной власти в государственном механизме как самостоятельной, влиятельной силы, независимой в своей деятельности от законодательной и исполнительной ветвей. Концепция судебной реформы изменила в первую очередь приоритеты правосудия. Если прежде его главной задачей являлась защита государственного строя и государственной собственности, то теперь на первое место выдвигались интересы человека и гражданина и защита всех форм собственности на одинаковых условиях.

Для того чтобы приблизить суды к местному населению и тем самым облегчить доступ граждан к правосудию и разгрузить районные суды от чрезмерно большой нагрузки, которая постоянно возрастала, было принято решение о возрождении института мировых судей. По мнению юридической общественности, возрождающаяся мировая юстиция должна выступать не в качестве судебного органа в полном смысле слова, а как хранитель мира, разрешая споры среди народа на местном уровне [8, с. 10]. В ходе судебной реформы в 1990 г. прекращают свою деятельность товарищеские суды. Сочли, что их вопросы возьмут на себя мировые судьи. К сожалению, практика показывает несколько иное. Мировые судьи, захлебнувшись обрушившимся на них валом дел (по сведениям Управления Судебного департамента в Хабаровском крае, в последние годы наблюдается тенденция увеличения доли дел об административных правонарушениях, рассмотренных мировыми судьями: в 2009 году – 53 786 дел, в 2010 году – 54 119 дел, за 9 мес. 2011 г. – 41 753 дела) [16], стали не низовой юстицией, а низшей инстанцией судов общей юрисдикции, которые не столько мирили, сколько карали.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, анализ низовой (сословной, корпоративной, этнической, сельской, городской) юстиции на восточных российских территориях в пореформенное время позволяет сказать, что к приходу русских на восточные земли (Якутия и Дальний Восток) они были заселены народами, имевшими свою историю и культуру, в том числе и низовую юстицию. Суды тоэна, старосты, головы, крестьянского начальника и начальника уезда – суды единоличные. И, кроме того, это не судебные учреждения в собственном смысле, а примирительные, без принудительной власти, инстанции для предварительного разбора тяжб, которые, если дело нуждается в настоящем судебном разбирательстве, поступали на рассмотрение окружного суда. Судами в настоящем смысле, т.е. облеченными принудительной компетенцией и принудительной властью, являлись только у оседлых инородцев сельской суд в Камчатской области и волостной суд по закону от 27.05.1902. Судостроительство и судопроизводство этих судов были установлены законом, и они руководствовались обычаем только при решении вопросов материального права. Однако медлительность в работе российских судебных органов вынуждала население Дальнего Востока обращаться к судам колонистов из сопредельных с Россией стран.

Положительное влияние на общество оказывали сословная и корпоративная юстиция.

В целом сохраненная и созданная система низовой юстиции облегчала государственную судебную систему и приближала органы юстиции к конкретному человеку.

Во-вторых, несмотря на то, что большевиками была ликвидирована низовая юстиция, созданные ими товарищеские суды позволили разгрузить как общие суды, так и органы Советской власти от рассмотрения малозначительных дел, тем самым укрепив их (Советов) значимость в глазах граждан. Но это была общегосударственная система, и какими-либо региональными особенностями она не отличалась.

В-третьих, последнее десятилетие XX столетия характеризуется как время идеологического плюрализма, в которое произошла переоценка сложившихся взглядов на организацию и деятельность всех советских государственных институтов, в том числе судебных и местного управления. Но руководители страны, создавая новую судебную систему, не сумели создать новую низовую юстицию, а воссозданный институт мировых судей просто оказался не в силах заместить её. Это не только отрицательно сказывалось на имидже органов МСУ в глазах населения муниципальных образований, но и подрывало их авторитет, что наглядно видно на абсентеизме населения при их формировании. Кроме того, постсоветская судебная система не предусматривала и каких-либо региональных особенностей, а, как и система местного самоуправления, создавалась по общероссийскому подобию и образцу.

Таким образом, судебная система России сегодня нуждается в реформировании, в том числе и в создании современной низовой юстиции, способной защитить конкретного человека, разгрузить суды общей юрисдикции от вала обрушившихся на них дел и поднять имидж органов МСУ, тем более что, как показывает сделанный выше анализ, у России есть такой опыт.

Список литературы

1. **Безобразов В. П.** Государство и общество: управление, самоуправление и судебная власть: статьи. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1882. 737 с.
2. **Вдовенков В. М.** Становление и развитие судебной власти на территории Хабаровского края / под ред. А. А. Власова. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2003. 80 с.
3. **Временное положение об управлении туземных племён, проживающих на территории Дальневосточной области от 17.08.1924** // Дальревком: первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке 1922–1926 гг.: сб. материалов / под ред. Н. И. Рябова. Хабаровск, 1957. 286 с.
4. **Государственный архив Иркутской области** (ГАИО). Ф. 32. Оп. 1.
5. **Государственный архив Российской Федерации** (ГАРФ). Ф. Р-3977. Оп. 1.
6. **Градовский А. Д.** Переустройство нашего местного самоуправления // Градовский А. Д. Собр. соч.: в 9-ти т. СПб., 1903. Т. 8.
7. **Коркунов Н. М.** Русское государственное право. Изд-е 4-е. СПб., 1909. Т. 2. 739 с.
8. **Коротких М. Г.** Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1989. 183 с.
9. **Корф С. А.** Ближайшие нужды местного управления. СПб., 1888. 127 с.
10. **Корф С. А.** Дворянство и его сословное управление за столетие 1762-1855 годов. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1906. 728 с.
11. **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. Т. 42. 607 с.
12. **Лонская С. В.** Мировая юстиция России: монография. Калининград, 2000. 215 с.
13. **Могилянский Н. М.** Земство и местный суд // Юбилейный земский сборник: 1864-1914 / под ред. Б. Б. Веселовского, З. Г. Френкеля. СПб.: Изд-во т-ва О. Н. Поповой, 1914. 467 с.
14. **На страже закона: Якутскому городскому суду – 85 лет** / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации в Республике Саха (Якутия); сост. В. Н. Васильев. Якутск: Бичек, 2005. 152 с.
15. **О товарищеских судах на фабричных заводах, предприятиях, в государственных и общественных учреждениях:** постановление ВЦИК СНК РСФСР от 28 августа 1928 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1928. № 114.
16. **Оперативные отчеты Управления Судебного департамента в Хабаровском крае** [Электронный ресурс]. URL: <http://usd.hbr.sudrf.ru/modules.php?name=stat> (дата обращения: 17.01.2012).
17. **Положение о товарищеских судах:** Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июля 1961 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1977. № 12.
18. **Примерный устав сельскохозяйственной артели:** принят II Всесоюзным съездом колхозников-ударников, утвержден СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17 февраля 1935 г. // Собрание законодательства СССР. 1935. № 11.
19. **Романович-Славатинский А.** Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1870. 562 с.
20. **Соляровский В. В.** Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Хабаровск, 1916. 173 с.
21. **Суд и правосудие в СССР** / под общ. ред. А. Т. Бажанова и В. П. Малкова. Казань: Изд-во Казанского университета, 1980. 400 с.
22. **Труды Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока (ЦГА РСФСР ДВ).** Томск, 1960. Т. 1. 159 с.
23. **Унтербергер П. Ф.** Приамурский край: 1906-1911 гг. СПб.: Тип. В. Ф. Киришбаума, 1912. 484 с.
24. **Унтербергер П. Ф.** Приморская область: 1856-1898 гг.: очерк. СПб., 1900. 344 с.
25. **Хачатурян Б. Г.** Становление и развитие местного самоуправления на востоке России: последняя четверть XIX – начало XXI в.: историография вопроса: монография. Хабаровск: Изд-во ДВГУ, 2010. 131 с.
26. **Яблочков М. Н.** История дворянского сословия в России. СПб., 1876. 679 с.

LOWER JUSTICE AND LOCAL SELF-ADMINISTRATION: TO THE HISTORY OF THE QUESTION

Boris Grigor'evich Khachatryan, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of State-Legal Disciplines
Russia Academy of Justice (Branch) in Far East
hach5@rambler.ru

The author discusses the most topical problem of the Russian state-building - the historical understanding of lower justice role and place in local self-administration development in Russia, reveals the notion of lower justice, its composition, pays special attention to the regional aspect - this institution formation in Yakutia and Far East, and comes to new conclusions and makes new suggestions basing on the history of lower justice formation and its interaction with local self-administration authorities.

Key words and phrases: lower justice; local self-administration; local self-administration authorities; national self-administration; corporate self-administration; Russian East.